После того как всё полностью привели в порядок и прожили там два дня, Нин Сяовэнь решил, что жить в пещере, хоть и не так комфортно, как в пространстве, всё же вполне терпимо. К тому же, раз уж они с Бородачом всегда были вместе, любые неудобства можно было просто не принимать во всём.

Впрочем, после переезда Нина Сяовэня и Бородача, когда перед глазами вдруг стало на двух человек меньше, Нин Циянь почувствовал себя как-то неуютно.

Обычно за работой они чаще всего держались вместе с Нином Сяовэнем, а теперь, когда выдалась неожиданная свобода, а Нин Сяовэнь сбежал с Бородачом наслаждаться уединением, в пространстве остались только они с Ду Чэном, слоняющиеся без дела.

— Что такое? — Ду Чэн отложил планшет и посмотрел на Нина Цияня, который тоже держал в руках планшет, но от него явно исходила аура со словами «мне очень скучно».

Они сидели на тёплой лежанке, прислонившись каждый к стопке постельных принадлежностей. Посередине кана стоял низкий столик, а вода в чайнике на нём ещё испускала пар.

— Да ничего, просто вдруг стало скучно, непривычно как-то, — улыбнулся Нин Циянь.

Ду Чэн встал и подсел к Нину Цияню ближе. На экране того шёл какой-то голливудский фильм-катастрофа, и грандиозные, страшные кадры казались Ду Чэну, пережившему глобальное землетрясение, странно комичными.

— По-моему, так здорово: кино посмотреть, чаю попить. Редкий отдых, — полуобернувшись, сказал Ду Чэн.

Нин Циянь шевельнул ушами — Ду Чэн подсел слишком близко, из-за чего ему стало не по себе.

— Интересно, что там Сяовэнь-гэ делают? Сидят друг напротив друга пялятся, лучше бы вчетвером сели в карты сыграть. — Нин Циянь немного отодвинулся в сторону.

Почувствовав смущение Нина Цияня, Ду Чэн тихо засмеялся.

— Ты чего смеёшься?

Заметив, что Нин Циянь озадаченно смотрит на него, Ду Чэн положил голову на плечо Нина Цияня, и его смех стал ещё громче.

Нин Циянь озадаченно уставился на голову у себя на плече.

Насмеявшись, Ду Чэн поднял голову и наклонился прямо к лицу Нина Цияня:

— Ты что, не понимаешь прелести уединения вдвоём?

Нин Циянь посмотрел на лицо, оказавшееся от него на расстоянии менее двух сантиметров, и снова отпрянул назад.

Ду Чэн продолжил подаваться вперёд.

Нин Циянь отступил ещё немного.

Пока его спина полностью не утонула в пуховом одеянии, Нин Циянь с испугом не осознал, что нынешняя поза выглядит не слишком хорошо.

Если смотреть сверху, Ду Чэн уже полностью нависал над хрупким телом Нина Цияня.

— Давай сядем и нормально поговорим? Эта поза… не очень-то удобная… — Нин Циянь дёгнул уголком рта и через силу усмехнулся.

Ду Чэн с улыбкой в глазах смотрел на миловидное и знакомое лицо перед собой, а его голос звучал слегка хрипло:

— Ты так и не ответил, понимаешь ты прелесть уединения или нет.

Нин Циянь подумал, что должен был сказать: «Понимаю я или нет, не имеет значения, всё равно ко мне это не относится». Но слова вертелись на языке, и никак не удавалось их вымолвить. В голове внезапно всплыло другое воспоминание из прошлого: то подавленное состояние обоих в те дни, а ещё… его собственная растерянность после потери Ду Чэна и боль, казалось, оттого, что весь мир его бросил.

— Не понимаю…

Услышав слова Нина Цияня, Ду Чэн изогнул уголки губ в лёгкой улыбке, а его голос зазвучал мягко и соблазнительно:

— Так давай я тебе покажу, хочешь?

Задняя часть шеи Нина Цияня слегка задрожала от ощущения опасности. Ему следовало бы отказаться, но, словно по наитию, он вдруг кивнул:

— …Хорошо…

Ду Чэн на самом деле не питавал особых надежд: он знал, что все эти его уловки перед лицом

неизменно спокойного Нина Цияня не возымеют никакого действия.

Поэтому ответ Нина Цияня заставил его на мгновение усомниться, не послышалось ли ему, но тело отреагировало явно быстрее мысли. Не успела в сердце подняться волна дикого восторга, как Ду Чэн уже опустил голову и яростно, не терпящих возражений, впился в губы, о которых так долго грезил.

Ощущение того, как его губы покусывают и всасывают, заставило сердце Нина Цияня забиться быстрее. Растерявшись, он неосознанно приоткрыл рот, и противник тут же захватил всю крепость без боя.

Лишь когда стало тяжело дышать, Нин Циянь протянул руку и слегка толкнул Ду Чэна, пытаясь заставить его подняться.

Но Ду Чэн в этот момент напоминал изнывающего от жажды путника в пустыне, который вдруг натолкнулся на прохладный оазис и чистый источник, утоляющий жажду — разве мог он так легко отпустить добычу?

Подняв левую руку и приложив чуть больше силы, он без труда прижал обе отталкивающие его руки к постели.

Нин Циянь ещё никогда так отчётливо не ощущал разницу в силе между ними.

Хотя оба они были мужчинами, он оказался полностью подавлен Ду Чэном и не мог оказать никакого сопротивления.

Нин Циянь слышал очевидно тяжёлое дыхание партнера и даже сквозь плотную одежду чувствовал исходящий от него жар. Большая рука, державшая его за запястья, была раскалена настолько, будто собиралась обжечь ему кожу.

В голове ярко пронеслись несколько крупных слов:

Влип! Сам напроявил…

Почувствовав, что человек под ним немного отвлёкся, Ду Чэн с недовольством усилил нажим. Он отпустил уже покрасневшие и припухшие от поцелуев губы и, следуя за прозрачной капелькой влаги, скатившейся в неизвестный момент из уголка рта, стал целовать и покусывать кожу ниже, пока не остановился на выступающем кадыке.

Разум, который Нин Циянь только что вернул, был мгновенно стёрт сладостной дрожью, пробежавшей по шее.

Отказ от борьбы, погружение в пучину…

47. Размеренная жизнь в пространстве (часть 4)

Нин Циянь пластом лежал на кане, раскинув руки, а у изножья кана в беспорядке валялась одежда.

Он просто никак не мог взять в толк: почему всё началось с ощущения легкой скуки из-за внезапно освободившегося времени, а закончилось тем, что его бессовестно съели со всеми потрохами?

К тому же, разве порядок не должен быть другим?!

Разве не Ду Чэн должен был сначала начать ухаживать за ним, а он — поломаться какое-то время, прежде чем решить, соглашаться или нет?

Как получилось, что всё перескочило сразу к… кхм… этому самому? А где этап ухаживаний? Где его собственные душевные терзания?

Не слишком ли много пропущено посередине?!!

Ду Чэн вернулся в комнату с чашкой тёплой воды и как раз натолкнулся на сердитый взгляд Нина Цияня. Он потёр нос, чувствуя себя немного виноватым. Тем не менее, он разулся, залез на кан и помог сесть выглядевшему совершенно убитым горем Нину Цияню.

— Выпей воды.

Нин Циянь поддался усилию Ду Чэна и приподнялся, но от смены позы в какой-то невыразимой части тела позади внезапно вспыхнула и усилилась тупая боль.

Нин Циянь глубоко вздохнул, и лишь спустя долгое время боль немного утихла. Он со злостью бросил на Ду Чэна свирепый взгляд.

Ду Чэн с покорным и кротким видом помог ему выпить полстакана воды, а затем с ещё большей осторожностью уложил Нина Цияня обратно на живот и принялся разминать ему плечи.

Заметив, как напряжённые мышцы Нина Цияня постепенно расслабляются, Ду Чэн осторожно произнёс:

— Ты же сам не возражал. Атмосфера была такая хорошая, а я ведь не Лю Сяхойй…

Нин Циянь бросил на него косой взгляд.

— Виноват я?

Ду Чэн примирительно улыбнулся:

— Это же хорошее дело, разве тут можно говорить о чьей-то вине.

Нин Циянь холодно хмыкнул, мысленно желая вымазать всё это нагловатое лицо за этим «хи-хи»!

Теперь-то он воочию убедился, что значит выражение «тихая собака больно кусает»!

Вернись время на час назад, он бы ни за что не поверил, что вечно молчаливый Ду Чэн может вот так, не говоря ни слова, сожрать его со всеми потрохами.

Сама же редкая капризность Нина Цияня очень нравилась Ду Чэну. Закончив массировать его тело, он наклонился и поцеловал Нина Цияня в лоб.

— Влюблённым нормально проявлять нежность. Иначе с чего бы Бородачу так агитировать Сяовэнь-гэ перебраться наружу.

Расслабленный массажем и уже готовый заунуть Нин Циянь при этих словах резко открыл глаза.

— Влюблённым?

Ду Чэн снял верхнюю одежду, которую накинул на время, пока ходил за водой, забрался под одеяние и, обняв Нина Цияня одной рукой, другой подоткнул край одеяла.

— Ну да, а что?

Забыв о всё ещё нывшем теле, Нин Циянь резко сел и уставился на Ду Чэна.

— С каких это пор мы стали влюблёнными?

Ду Чэн, ещё не до конца всё понявший, от таких слов ошеломлённо сел.

— Если мы не влюблённые, то с кем ты хочешь быть влюблённым? С Линь Яхань? — с мрачным лицом переспросил Ду Чэн.

Неизвестно почему, хотя когда-то он собственными ушами слышал, как Нин Циянь очень сухо и чётко отказал той девушке по имени Линь Яхань, это имя занозой засело на самом дне сердца Ду Чэна. Поэтому, стоило Нину Цияню показать, будто он не хочет признавать их

отношения, в памяти рефлекторно всплыло именно оно.

Нин Циянь считал, что Ду Чэн ведёт себя совершенно нелепо. Какое вообще отношение к их делам имела эта далёкая Линь Яхань?! Однако он не хотел ссориться с Ду Чэном на пустом месте: прошлый опыт подсказывал, что если всё не прояснить до конца, последствия могут оказаться очень серьёзными.

Поэтому Нин Циянь потёр переносицу и, подбирая слова, наконец произнёс:

— Сначала перестань приплетать всяких посторонних людей. Я тебя спрашиваю: с каких пор мы стали парочкой?

Ду Чэн прищурился:

— Хочешь отказаться от ответственности?

Нин Циянь приподнял бровь и недобро посмотрел на Ду Чэна:

— Хочешь поскандалить?

— Не хочу, — очень чётко ответил Ду Чэн.

Нин Циянь подавился воздухом, глубоко вздохнул и постарался успокоиться… К черту спокойствие! Ведь это его поимели, так с чего вдруг Ду Чэну ещё и строить недовольную физиономию?!!

Скрипнув зубами, он подумал, что если не брать в расчет прошлую жизнь, то в позапрошлой он точно задолжал этому парню!

— Я думал, мы всегда были просто хорошими братьями, поэтому понятия не имею, с каких пор началось то самое… о чём ты говоришь как о парочке?

Хотя Нин Циянь говорил спокойно, видя, как в его глазах почти полыхает огонь, Ду Чэн всё же решил выбросить из головы ту занозу и хорошенько обдумать его слова.

И когда он задумался, в сердце у него ёкнуло.

…Действительно, он, кажется, ни разу прямо не озвучил свои чувства. Раньше, пользуясь непринуждённой сладкой атмосферой между Бородачом и Нином Сяовэнем, он и сам тайком лапал Нина Цияня. Он думал, что тот думает так же, как и он, и их отношения установились сами собой, исподволь. Но если присмотреться ближе, они, кажется, никогда официально ничего не подтверждали.

Подняв глаза на Нина Цияня, Ду Чэн мог по крайней мере точно сказать, что тот вовсе не был против того, что произошло между ними ранее. Что же до непрерывно исходивших от него волн раздражения…

Ду Чэна словно осенило: вся прежняя угнетённость испарилась, и он, сложив руки ладонями вместе, виновато произнёс:

— Прости, я был неправ.

Нин Цияня этот прямой и безоговорочный извиняющийся тон заставил на мгновение потерять дар речи — они так и продолжали молча таращиться друг на друга. Пока Нин Цияню не стало холодно, и он не вспомнил, что они оба всё ещё голые…

Снова зарывшись под одеяло и заметив, что Ду Чэн тут же прижался к нему бок о бок, Нин Циянь закатил глаза и поленился даже говорить.

Он наконец всё понял: должно быть, в какой-то момент Ду Чэн просто пропустил несколько этапов и автоматически записал его в свои парни.

Поэтому те несколько вольностей, что Ду Чэн позволял себе раньше, вовсе не были проверкой его реакции — это изначально были чисто романтические проявления со стороны влюблённого.

Нин Циянь чувствовал себя немного в убытке: никаких ухаживаний, да к тому же в постели он оказался внизу…

Но не жаловаться же на собственную слабость в силе! Он взрослый мужчина, неужели станет теперь переживать из-за того, что тот за ним не ухаживал?! Это было бы слишком жеманно.

Ладно, убыток — это тоже благо… Убыток — это благо…

Нин Циянь молча занимался самовнушением, и накопившаяся усталость от чрезмерной физической активности взяла своё — незаметно он заснул.

Почувствовав, что дыхание человека в его объятиях выровнялось, Ду Чэн приподнялся, посмотрел на спящее лицо возлюбленного, легонько поцеловал в уголок губ и тихо улыбнулся.

Его любимый всегда оставался таким милым. Мог даже из-за отсутствия ухаживаний устроить маленький каприз.

Кусок, который уже проглотили, разумеется, никто выплевывать не станет, но маленькие женские… то есть маленькие капризы любимого человека удовлетворить всё-таки стоит!

Поэтому, когда Нин Циянь снова проснулся, Ду Чэна рядом не оказалось. Услышав шум в гостиной, он оделся и вышел из комнаты, с удивлением обнаружив, что Ду Чэн уже приготовил ужин.

Нин Циянь наблюдал, как Ду Чэн перекладывает только что сваренный рис в большую чашку. В других мисках стояли тушеные вяленые кролики, яичница с луком-батуном и горшочек супа из баранины.

Хотя нельзя было сказать, что блюда сочетали в себе изысканный цвет, аромат и вкус, выглядели они вполне неплохо, да и есть, скорее всего, можно было без проблем.

— С чего это ты сегодня такой работящий? — озадаченно спросил Нин Циянь. Не то чтобы Ду Чэн обычно бездельничал, но он больше привык к тяжёлой физической работе на улице, а готовить ему точно доводилось нечасто.

Ду Чэн улыбнулся, глядя на Нина Цияня:

— Я ведь за тобой ухаживаю, конечно, нужно проявить старание.

Нин Циянь потерял дар речи.

Можно не озвучивать свои ухаживания столь прямо?!

Впрочем, Нин Циянь неожиданно для самого себя обнаружил, что он вовсе не против такой жеманности: ему и впрямь было приятно, когда Ду Чэн вот так за ним ухаживал.

Когда они вдвоём появились в пещере с ужином, их встретили хитрые улыбки Бородача и Нина Сяовэня.

Нин Циянь смущённо кашлянул и, опустив голову, стал расставлять еду на столе, совершенно забыв, что пятна и следы от поцелуев за его ушами ярко красуются перед глазами у всех присутствующих.

Бородач с лукавым выражением изогнул бровь, глядя на Ду Чэна, и чуть было не свистнул, но Нин Циянь вовремя успел закрыть ему рот рукой.

Хотя Нин Циянь был только рад тому, что Ду Чэн и Нин Циянь наконец сошлись, он прекрасно знал, насколько тонка душевная организация Нина Цияня в подобных вопросах. Лучше сделать вид, что они ничего не заметили: не дай бог шутки перейдут границы, и Нин Циянь рассвирепеет — тогда Ду Чэну придется туго.

А если Ду Чэну придётся туго… Нин Сяовэнь бросил косой взгляд на Бородача, призывая того вести себя смирно — Ду Чэн точно не позволит виновнику выйти сухим из воды.

Расставив еду, четверо уселись на стулья, которые Бородач смастерил в свободное время. Ноющая боль в теле Нина Цияня ещё не прошла, и аппетита особого не было, но раз уж Ду Чэн впервые за долгое время сам приготовил ужин, он решил проявить уважение и наложил себе полпиалы риса.

— Сначала выпей супу. — Ду Чэн наполнил пиалу бараньим супом без мяса, добавив туда уксуса и чёрного перца строго по вкусу Нина Цияня, посыпал сверху зелёным луком и поставил перед ним.

Нин Циянь ложкой размешал перец и лук и сделал глоток.

Мм, жир не срезали, жирновато, но в целом сойдёт.

Затем он попробовал яичницу с луком — яйца немного пережарены… и почему-то сладковаты?

Ду Чэн вряд ли мог перепутать соль с сахаром, но, вспомнив, что Нин Циянь вечно любит слегка сладковатые блюда из яиц, он лишь промолчал. Помидоры с яйцом, присыпанные сахаром для вкуса, ещё куда ни шло, но лук с яйцом…

С другой стороны, Бородач проглотил кусок яйца, перевёл взгляд с тарелки на Нина Цияня.

Неужели после тесного общения даже вкусовые привычки могут передаваться воздушно-капельным путём?

По сравнению с остальными тремя, Нин Сяовэнь ел спокойнее всех. Стоило супу коснуться губ, как он сразу понял, чьих рук это творение.

Не говоря уже о кулинарных талантах, сам поступок Ду Чэна определённо заслуживал похвалы.

Хотя есть особо не хотелось, Нин Циянь не смог противостоять стараниям Ду Чэня, который то и дело подкладывал ему еды и подливал супу, и в итоге всё же переел. Оперевшись спиной о спинку стула и потирая живот, он чувствовал себя настолько сытым, что даже шевелиться не хотелось.

Нин Сяовэнь собрал миски и палочки и, заметив, что Ду Чэн и Бородач ушли к недособранному кану, потянул за рукав Нина Цияня:

— Пойдём в пространство, мне нужно кое о чём поговорить с тобой.

Нин Циянь посмотрел на него, встал, забрал половину пустых мисок из рук Нина Сяовэня и потащил его за собой в пространство.

Мыть посуду спешить было некуда, поэтому, как только они вошли, Нин Сяовэнь тут же затащил Нина Цияня в дом.

— Слушай… — даже сейчас, когда в пространстве были только они двое, Нин Сяовэнь всё равно понизил голос.

Когда Нин Циянь вернул Нина Сяовэня в пещеру и попутно зашёл за Ду Чэном, его уши всё ещё горели красным.

Нин Сяовэнь говорил ему вовсе не о каких-то пустяках, а о мерах предосторожности до и после «этого самого». Ладно ещё гигиена, но оказалось, что даже после нужно следить за питанием! Нин Циянь и понятия не имел, что в интимной близости столько тонкостей.

А стоило вспомнить многозначительную улыбку Бородача перед уходом и блестящие глаза Ду Чэна…

Неужели Ду Чэну тоже провели ускоренный курс ликбеза по этой части?

Нин Циянь чувствовал себя настолько смущённым, что был готов провалиться сквозь землю.

Интересно, не поздно ли ещё заявить, что он выступает за платоническую любовь?

48. Размеренная жизнь в пространстве (часть 5)

Проснувшись в то утро, Нин Циянь воспользовался моментом, пока закипала вода, вышел во двор и бросил взгляд на термометр, висевший под карнизом.

Минус один градус.

Температура в пространстве наконец опустилась ниже нуля. Убедившись, что вода в колодце не замёрзла, Нин Циянь повернулся и вошёл в дом.

Даже при постоянно топившемся кане в помещении чувствовалось прохладное дыхание зимы, поэтому последние несколько дней Нин Циянь по утрам предпочитал готовить лапшу — съешь пиалу горячего супа вместе с ней, и сразу становится теплее.

Позавтракав, Ду Чэн натянул спортивный костюм, который теперь окончательно превратился в рабочую спецодежду, и вышел во двор допиливать брёвна. Опираясь на теплицу во дворе, у него уже сложился примерный план для будущей теплицы на платформе. Основание теплицы, безусловно, нужно было залить камнем и цементом, но каркас сверху требовалось сделать гораздо прочнее, чем у маленькой теплицы во дворе, иначе он боялся, что тот не выдержит веса обмененных ламп.

Поэтому к выбору древесины предъявлялись особые требования, но, к счастью, брёвен они натащили много — если перебрать и выбрать получше, наберётся немало годных. Ду Чэн не переживал о том, хватит ли материала в итоге: главное — собрать основной каркас для ламп, а остальные вспомогательные опоры можно будет доделать весной, когда они нарубят подходящих деревьев.

Они разделили работу с Бородачом: Ду Чэн отвечал за распилку брёвен по нужным размерам, а Бородач — за сборку каркасов. Ни в пещере, ни в пространстве не было столько места, чтобы сразу сколотить всю конструкцию целиком, поэтому сначала они собирали небольшие модули, которые затем соединят уже на платформе, подогнав под нужный размер.

Нин Циянь взял весло и загнал стаю кур в угол, затем наклонился и подобрал яйца из соломенного гнезда. Он внимательно осмотрел их на свету: те, что оказались неоплодотворёнными, он сложил в большую корзину, а оплодотворённые — в маленькую.

Куриное стадо казалось большим, но после того, как время от времени из них варили куриный суп, в курятнике осталось всего четыре несушки и один петух. Вместе с шестью утками и двумя селезнями из соседнего утиного вольера, трогать их было категорически запрещено, пока не вылупятся новые цыплята и утятя.

Вообще-то курочек должно было остаться шесть, но Нин Циянь поддался сиюминутному порыву — ему вдруг захотелось приготовить острой курочки слюнки потекут, причём больше всего он любил куриные бёдришки. Очевидно, что двух ног от одной курицы на четверых не хватило бы, поэтому он без колебаний схватил нож и зарубил двух несушек, а потом… потом Нин Сяовэнь пилил его за это целых три дня подряд, так что у него в ушах звенело даже во сне.

Вспомнив те три дня, Нин Циянь поклялся, что до появления на свет цыплят и утят он скорее отрубит себе руки, чем поднимет их на курицу.

Но, к счастью, оплодотворённых яиц накопилось уже почти достаточно — ещё пара дней, и можно будет сажать птиц на насест.

Собрав яйца, Нин Циянь навёл порядок в птичниках, насыпал корма и налил воды, после чего затворил калитку.

— Когда придёт время усаживать на насест, придётся звать Сяовэнь-гэ, у нас с тобой ни у одного нет опыта. — Нин Циянь поставил корзину на землю и, опустив голову, принялся стряхивать пух с одежды.

Ду Чэн поднял распиленный брус и сдул с него опилки:

— Разве в такой холод они вылупятся?

— Сяовэнь-гэ говорил, что можно прибрать западную комнату и устроить насест там, должно

получиться.

Ду Чэн хмыкнул, немного подумал и поднял глаза на Нина Цияня:

— Тогда в следующий раз давай поживем в пещере, а Бородача и Сяовэнь-гэ вернём сюда. Новый кан в пещере очень тёплый.

Нин Циянь рассеянно кивнул, не поднимая головы, а когда убедился, что одежда чистая, подхватил корзину и вошёл в дом.

Видя, что Нин Циянь ответил так естественно, Ду Чэн посмотрел на затворившуюся дверь и слегка улыбнулся уголками губ.

http://bllate.org/book/18708/1808083